

Глава 18

У Цзин Чжи не было обсессивно-компульсивного расстройства в тяжёлой форме; он мог очистить телефон от красных значков уведомлений, когда вспоминал о них, а мог и просто махнуть рукой, позволив им существовать. Поэтому раздел СМС, постоянно забитый рекламным спамом, почти никогда не выглядел чистым.

Именно по этой причине он целый день не замечал нового сообщения.

Вспомнив что-то, он быстро переключился на журнал вызовов и, как и ожидал, увидел пропущенный звонок с незнакомого номера. Это было утром, в машине, по дороге в больницу. Тогда все его мысли были заняты малышом, он был на грани паники и, увидев номер без имени, не раздумывая сбросил вызов.

Это был тот же номер, с которого пришло сообщение от Цзян Суйфэна.

Вероятно, после утреннего мгновенного сброса звонка и отсутствия ответа на сообщение, он не решился звонить снова и лишь предпринял ещё одну робкую попытку, отправив второе СМС.

Почему он вернулся так скоро? Цзин Чжи думал, что у него в запасе ещё около недели.

Его взгляд вернулся к Цзин Мими.

— Мими, папе нужно кое-что сделать. Я дам тебе телефон чуть позже, хорошо? — мягко предложил он.

Цзин Мими послушно кивнул. Он почти не умел читать и не понял содержания сообщения, решив, что это что-то вроде тех, что присылал папе дядя Фан Юань. Всё его внимание было сосредоточено на тексте, и он не заметил знакомой комбинации цифр в имени отправителя, поэтому не придавал этому значения.

Оставив Мими под присмотром Бай Ин, Цзин Чжи поднялся и ушёл в ванную. Прислонившись спиной к двери, он набрал ответное сообщение Цзян Суйфэну.

«Я в больнице. Давай встретимся здесь, выбери время».

Телефон Цзян Суйфэна зазвонил почти мгновенно.

Цзин Чжи помедлил секунду, но всё же ответил. Приняв вызов, он прошёл вглубь ванной и плотно прижал телефон к уху, опасаясь, что малыш снаружи может что-то услышать. Он не покинул палату именно по этой причине — не хотел, чтобы ребёнок волновался из-за его долгого отсутствия. Мими и так был болен, а лишние переживания могли лишь усугубить его состояние.

— ...Алло? Сяо Цзин, — в голосе Цзян Суйфэна слышалась нескрываемая радость.

За все дни разлуки это был их первый телефонный разговор.

Цзин Чжи смотрел на кафельную плитку на стене и тихо ответил:

— М-м.

Плитка давно пожелтела, а у самого пола на ней проступили мелкие чёрные точки, расплывшиеся, как кляксы. Совсем как его настроение — подёрнутое влажной плесенью.

Краткая разлука не принесла ему успокоения, а, напротив, стала затишьем перед бурей, где малейший отзвук знакомого голоса мог вызвать сокрушительное цунами.

И это цунами было не чем иным, как всепоглощающей тоской, от которой он не мог избавиться.

Он скучал по Цзян Суйфэну. Ничуть не меньше, чем Мими.

Не давая его мыслям уйти в это русло, нетерпеливый голос Цзян Суйфэна вновь зазвучал в ухе:

— Почему ты в больнице? Заболел? Как ты себя чувствуешь?

В его словах звучала неподдельная забота.

Цзин Чжи сглотнул, прочистил горло и ответил:

— Это не я.

— Тогда кто? Фан Юань? Или тётушка Цзин?

— Никто из них. Ты завтра свободен? Приезжай в больницу, встретимся, — Цзин Чжи увёл разговор в сторону. Он не хотел рассказывать о Мими по телефону: боялся, что всё объяснит сбивчиво, и опасался, что Цзян Суйфэн, узнав правду, немедленно сорвётся сюда. Было уже поздно, а больному малышу нужен был покой.

Как он и предполагал, следующая фраза Цзян Суйфэна была:

— Я свободен прямо сейчас, могу приехать.

— Слишком поздно, — отказался Цзин Чжи. — Давай завтра. Мне нужно отдохнуть.

Да и сам Цзян Суйфэн только что с самолёта, ему тоже нужен отдых.

На том конце провода на несколько секунд воцарилась тишина, но в итоге он уступил:

— Хорошо, во сколько? Я завтра свободен весь день.

Цзин Чжи не дал точного ответа:

— Я сообщу тебе позже.

Он не знал, насколько лучше станет Мими к утру, и всё зависело от его состояния. Если проснётся с расстройством желудка и недомоганием, встречу придётся отложить. Увидев Цзян Суйфэна, он наверняка разволнуется, а сильные эмоции, как уже было сказано, не способствуют выздоровлению.

— Хорошо, — Цзян Суйфэну оставалось только согласиться. — Я сейчас еду домой. Пароль от замка не изменился?

Цзин Чжи промолчал.

— Не изменился, — наконец ответил он.

Он забрал с собой в приют лишь самое необходимое, оставив большую часть вещей в квартире.

Изначально он планировал съехать до возвращения Цзян Суйфэна, но вмешались непредвиденные обстоятельства. К счастью, срок аренды ещё не истёк, и времени на переезд было достаточно.

Вот только теперь, когда Цзян Суйфэн вернулся, переезд мог оказаться не таким уж и простым. Он слишком хорошо знал его упрямство и навязчивость — тот был похож на цепкого пса.

Не успел Цзян Суйфэн обрадоваться тому, что пароль остался прежним, как Цзин Чжи добавил:

— Возвращайся и собирай свои вещи. Забирай всё.

Сердце Цзян Суйфэна рухнуло, но он понимал, что по телефону ничего не решить, и возлагал все надежды на завтрашнюю встречу.

— Не говори сгоряча, Сяо Цзин. Завтра увидимся и спокойно всё обсудим.

— Я не говорю сгоряча, — Цзин Чжи поднял ногу и носком ботинка коснулся тёмного пятна плесени в углу. Плесень въелась в плитку, и её так просто было не оттереть.

Он больше не злился.

Строго говоря, он никогда и не злился на Цзян Суйфэна. Даже то сообщение о свидании вслепую не вызвало в нём упрёка в его адрес.

Он просто чувствовал бессилие. Его ориентацию не принимали старшие, и он утянул за собой в эту пучину любимого человека. А под водой всё не так просто, как в поцелуе, когда ты делишься со мной своим воздухом, а я — своим. Воздух рано или поздно закончится, и тогда, скорее всего, утонут оба.

Цзян Суйфэн продолжал говорить успокаивающим тоном, не вступая в спор:

— Хорошо, хорошо, поговорим завтра... Я так по тебе скучаю.

Цзин Чжи лишь хмыкнул, вовремя обрубив поток нежных слов, который готов был сорваться с языка.

— Я кладу трубку, — холодно бросил он.

— Хорошо, отдыхай. Спокойной ночи.

— Угу, — Цзин Чжи быстро завершил вызов, мысленно прошептав в ответ «спокойной ночи».

Он повернулся к зеркалу и заметил, что глаза слегка увлажнились. Сделав глубокий вдох, он долго приходил в себя, прежде чем выйти из ванной.

Малыш всё ещё сидел, прислонившись к подушке, в той же позе, в какой он его оставил, но уже дремал, смежив веки. Разговор был недолгим, но он слишком долго собирался с духом, заставив ребёнка ждать.

Бай Ин, сидевшая с телефоном, увидела, что Цзин Чжи вышел, и прошептала:

— Мими уснул.

Цзин Чжи кивнул и на цыпочках подошёл к кровати. Он осторожно изменил положение малыша, уложив его на плоскую подушку.

Видимо, день, полный обследований, и общая слабость сделали своё дело — ребёнок спал так крепко, что даже не проснулся.

Глядя на его личико, Цзин Чжи невольно представил себе лицо Цзян Суйфэна.

Вскоре он задёрнул занавеску и тоже лёг, но спать не спешил, взяв в руки телефон.

На экране была переписка с Фан Юанем.

Вечером тот написал, что уехал из приюта, и спросил о состоянии Мими. Освободившись, Цзин Чжи ему ответил.

Фан Юань был расстроен. Он написал, что собирается приехать в приют и в следующую субботу. На прошлой неделе Мими обиделся на него из-за рисунка собачки на футболке, поэтому на этой он специально надел футболку с котиком, но всё зря — Мими её так и не увидел.

«Главное, что с Мими всё в порядке, — писал Фан Юань. — А ты завтра обязан пойти со мной к психологу, больше откладывать нельзя. Запишемся прямо в твоей больнице. В приюте есть кому присмотреть за Мими, так что можешь ненадолго отлучиться».

Цзин Чжи не был штатным сотрудником, но Бай Ин осталась на ночь в палате, устроившись на раскладушке, которую он арендовал в больнице. Она предложила Цзин Чжи спать с малышом, ведь они были ближе друг другу. Да и на раскладушке в одиночку спать было удобнее.

«Завтра, боюсь, не получится», — ответил Цзин Чжи.

«?»

«Лучше найди причину, которую я смогу принять, иначе я сегодня же приеду в больницу и буду караулить тебя, а завтра, как только психолог начнёт приём, силой тебя к нему затащу».

«Цзян Суйфэн вернулся, завтра встречаемся».

Фан Юань ответил не сразу.

«...Ладно, эту причину я принимаю».

Цзин Чжи задумался, а затем отправил ему фотографии Мими и Цзян Суйфэна.

«Тебе не кажется, что Мими немного похож на Цзян Суйфэна? Смотри, это Цзян Суйфэн в детстве. Глаза и нос очень похожи на Мими. А ещё сегодня одна женщина сказала, что у Мими брови и губы как у меня».

Он боялся, что это лишь его воображение, и хотел узнать мнение со стороны. Часто бывает, что участник событий ослеплён, а наблюдатель видит ясно.

На этот раз Фан Юань молчал ещё дольше.

В молчании либо рождается взрыв, либо наступает гибель. Фан Юань выбрал взрыв.

«Тебе лучше завтра в точности пересказать всё это Цзян Суйфэну. Он ещё быстрее меня потащит тебя к психологу».

«...»

«Ладно, с этим парнем говорить бесполезно, — подумал Цзин Чжи. — Он твёрдо уверен, что у меня проблемы с головой, и будет отрицать всё, что бы я ни спросил».

Скажу завтра Цзян Суйфэну напрямую.

Закончив переписку, Цзин Чжи выключил телефон, нежно обнял спящего малыша и закрыл глаза.

Среди ночи Цзин Мими проснулся, сонно прижался к Цзин Чжи и снова уснул.

Повесив трубку, Цзян Суйфэн устало вздохнул. Он закрыл глаза, потёр переносицу и позволил своему телу полностью расслабиться в кресле автомобиля.

Поездка была поспешной, он торопился вернуться, и организм работал на износ.

Город, куда он летал в командировку, находился недалеко от его родного дома, так что он заехал к родным, чтобы прояснить ситуацию с тем сообщением.

Разговор, разумеется, закончился ссорой.

Сообщение отправил его дед. Старик, с его закаменелыми взглядами, был предсказуем. Спорить с ним было бесполезно — через несколько фраз он начинал дрожать, и Цзян Суйфэн ничего не мог с этим поделать.

В конце концов он бросил:

— Мими умер. Сяо Цзин и так в ужасном состоянии, ты хоть понимаешь, как сильно твое сообщение его ранило? Ты хочешь и его довести до смерти? — и, хлопнув дверью, ушёл.

Дед знал о Мими. Говорили, в молодости он тоже держал кошек. Он прекрасно владел каллиграфией и живописью тушью, и помимо пейзажей иногда рисовал кошек — очень выразительно. Но после женитьбы на бабушке, у которой была аллергия на шерсть, животных в доме больше не было.

Цзян Суйфэн показывал ему фотографии Мими, надеясь через котёнка постепенно подготовить их к принятию его маленькой семьи с Цзин Чжи, но без особого успеха.

Он не знал, как дед отреагировал на его последние слова. Но в тот же вечер получил от него сообщение: «Я не знал о Мими. Я лишь хотел, чтобы вас не осуждало общество и чтобы вам не причиняли боль».

Но самую глубокую боль им причиняли именно близкие.

Не успел он погрузиться в свои мысли, как водитель с водительского сиденья с любопытством спросил:

— С девушкой поссорился?

В Цзян Суйфэне проснулся дух противоречия.

— С парнем, — буркнул он.

Водитель, мужчина средних лет, на мгновение запнулся, и в машине повисла неловкая тишина.

Когда они приехали, и он уже выходил из машины, водитель вдруг сказал:

— Парень, девушка — какая разница? Главное, поговорите. Начать отношения всегда непросто.

Казалось, он всю дорогу обдумывал эти слова и наконец решился их произнести.

Цзян Суйфэн, уже открывший дверь, замер. Выражение его лица смягчилось.

— Хорошо, — ответил он и вышел.

В наше время в обществе неизбежно сохраняются предрассудки по отношению к однополым парам, но терпимости и понимания стало гораздо больше. Они ведь просто любят людей своего пола, а не совершают преступлений.

Надо бы деду почаще общаться с современным миром, впитывать новые идеи. Когда бабушка была жива, они каждый год путешествовали, знакомились с новыми культурами. После её смерти дед почти перестал выходить из дома, целыми днями занимаясь своими картинами и огородом.

— Мяу.

Когда Цзян Суйфэн уже подходил к подъезду, он услышал кошачье мяуканье. Но когда обернулся на звук, кошка уже метнулась прочь, и он даже не успел разглядеть её окрас.

Он невольно подумал о Мими.

Говорят, кошки, отправившись на Мяу-звезду, возвращаются, чтобы навестить своих хозяев. Они могут делать это по-разному, даже вселяясь в других кошек.

Пусть это и было лишь утешением, он хотел в это верить.

Быть реалистом и прагматиком слишком утомительно. В жизни должно быть место для светлых фантазий.

Цзян Суйфэн постоял немного на холодном ветру, но больше кошек не увидел. Он вошёл в подъезд и поднялся на лифте в свою квартиру.

Внутри что-то изменилось, но не сильно. Запах алкоголя, который пил Цзин Чжи, полностью выветрился, мусор был выброшен — этого он не заметил.

Но он заметил, что некоторых вещей Цзин Чжи не было на месте.

Словно ищейка, Цзян Суйфэн обследовал всю квартиру и в итоге составил список «пропаж»: всё принадлежало Цзин Чжи. Флакон мелатонина, ноутбук, внешний жёсткий диск, по одной бутылке шампуня и геля для душа, два полотенца, несколько комплектов одежды, включая пижаму...

Похоже, он временно переехал, но ещё не окончательно.

Урна с прахом котёнка осталась дома, в его домике.

За эти годы они заработали немало денег, но так и не переехали отсюда. Во-первых, они планировали сразу купить собственную квартиру, а не платить за аренду. Но для этого нужно было, чтобы их отношения окончательно стабилизировались, и не только между ними, но и с их семьями. Во-вторых, этот кошачий домик они обустроивали очень долго, и при переезде его пришлось бы разбирать. К тому же в последние годы Мими часто болел, и смена обстановки не пошла бы ему на пользу.

Так они и откладывали, откладывали... пока котёнок не ушёл.

Цзян Суйфэн подошёл к урне и провёл по ней ладонью.

Керамика была холодной. Несмотря на тёплый пол, холод, казалось, проникал через ладонь и расползался по всей руке.

Они уже потеряли Мими. Они не могут потерять друг друга.

Это он виноват, что не смог уладить отношения с семьёй и заставил Цзин Чжи страдать.

Такого больше не повторится.

В этом году на Новый год он не станет поддаваться на уговоры и смягчать свою позицию.

И те, и другие — его близкие. Он готов был быть между двух огней, но не мог допустить, чтобы одна сторона причиняла боль другой через его голову. Это было неуважением и к нему самому.

Цзян Суйфэн выпрямился и отправил сообщение в цветочный магазин, в котором они часто делали заказы, заказав букет любимых роз Цзин Чжи.

Завтра, когда он увидит Сяо Цзина, он будет умолять его, просить прощения, делать всё, чтобы загладить свою вину.

Приняв душ, Цзян Суйфэн рухнул на их с Цзин Чжи огромную кровать, и усталость мгновенно увлекла его в сон.

На следующее утро Цзин Мими проснулся, чувствуя себя значительно лучше.

Красные пятна от аллергии ещё не сошли, но остался лишь лёгкий зуд, без других побочных эффектов. Расстройство желудка, вызванное непереносимостью лактозы, было не таким сильным, как вчера, температуры и других признаков инфекции не было.

Если всё пойдёт хорошо, через три дня их выпишут.

Правда, ночью малыш во сне несколько раз почёсывался и оставил на коже несколько красных полос. Цзин Чжи спал крепко и не заметил этого. К счастью, он не расцарапал кожу до крови.

Цзин Чжи попросил у мамы мальчика с соседней койки её маникюрные щипчики с брелока и аккуратно подстриг ногти Цзин Мими.

Коротко, чтобы он не поранил себя, если снова будет чесаться во сне.

Во время стрижки Цзин Мими вёл себя очень смирно, не дёргая ручками. Он и котёнком был таким же послушным.

Цзин Чжи вспомнил, как они с Цзян Суйфэном в первый раз стригли когти котёнку. Они основательно подготовились, посмотрев видео в интернете, и завернули его в одеяло, сделав маленький «рулетик», боясь, что он будет вырываться и поцарапает их.

Но котёнок в рулетике лежал абсолютно неподвижно, лишь его круглые глаза внимательно следили, как папы нажимают на подушечки его лапок, выпуская розовые коготки. Специальные щипчики щёлкали, и с каждым «щёлк» его лапка инстинктивно вздрагивала от страха, но он не сопротивлялся. Вскоре все четыре лапки были обработаны без малейших усилий.

Тогда они подумали, что всё дело в «рулетике».

Во второй раз, играя на диване, Цзин Чжи машинально сжал его лапку, выпустив когти. Увидев, что котёнок не возражает, он попросил Цзян Суйфэна принести щипчики и попробовал подстричь когти прямо так.

Именно тогда они поняли, что дело не в одеяле, а в том, что им достался ангельски послушный кот.

После этого, каждый раз натываясь в интернете на видео, где кошки сопротивляются стрижке когтей и царапают хозяев, Цзин Чжи с трудом сдерживал желание похвастаться и лишь крепче обнимал своего идеального питомца.

Щёлк, щёлк.

Цзин Мими послушно смотрел, как папа стрижёт ему ногти.

У него не было когтеточки, и точить ногти было негде, так что стрижка была необходима.

Холодное прикосновение металла было не самым приятным, но поскольку это делал папа, он не боялся.

Он смутно помнил, что давным-давно, в другой жизни, в другом доме, он очень боялся стричь когти. Ему часто задевали живую ткань, и было больно, но он не смел сопротивляться, зная, что будет ещё больнее.

К счастью, потом он встретил папу.

Папа всегда стриг ему когти с невероятной осторожностью и ни разу не причинил ему боли.

— Готово, — Цзин Чжи провёл пальцем по последнему ноготку, убедившись, что он гладкий и ровный. Затем он протёр щипчики салфеткой и вернул их маме соседского мальчика.

Цзин Мими с любопытством рассматривал свои руки.

Человеческие руки сильно отличались от кошачьих лап, в них не было втягивающихся когтей.

Его взгляд упал на руки женщины с соседней койки. Она прицепила щипчики обратно на брелок.

Её ногти были не такие, как у него, — длинные, заострённые, больше похожие на кошачьи

когти, только светло-зелёного цвета.

— Папа, — Цзин Мими прижался к уху Цзин Чжи и шёпотом поделился своим открытием.

Цзин Чжи не смог сдержать смех и объяснил ему, что такое «маникюр».

Глаза Цзин Мими заблестели.

— Я тоже хочу маникюр, — заявил он.

Женщина с соседней кровати, услышав это, рассмеялась вместе с Цзин Чжи.

Бай Ин как раз вышла из ванной и с любопытством спросила, что случилось. Цзин Чжи пересказал ей их разговор. Она тоже не смогла сдержать улыбки.

Детские мысли всегда такие странные и милые.

Увидев, что Бай Ин вернулась, Цзин Чжи встал и ушёл в ванную, чтобы отправить сообщение Цзян Суйфэну: «Встречаемся в 11 утра».

И следом отправил номер палаты.

На другом конце Цзян Суйфэн с недоумением смотрел на слова «детское стационарное отделение».

Хотя Цзин Чжи был родом из провинции А, он нечасто общался с родственниками. Его отец был изменником, и вся его родня была на его стороне. Мать была поздним ребёнком, её родители умерли, когда Цзин Чжи учился в университете. Родственников по материнской линии было мало, некоторые уехали за границу, и к поколению Цзин Чжи связи почти прервались.

Зная Цзин Чжи, он не мог представить, с чьим ребёнком тот мог лежать в больнице. И сама идея встретиться в стационаре казалась странной.

Единственное, что приходило на ум, — этот ребёнок нуждался в уходе Цзин Чжи, и тот не мог его оставить.

Место встречи его не смущало, просто было любопытно.

«Чей это ребёнок? Мне привезти какой-нибудь подарок?» — осторожно написал он.

«Не нужно, просто приезжай сам», — пришёл ответ.

Цзян Суйфэн решил отбросить догадки. Скоро они увидятся, и всё прояснится.

Цветочный магазин уже доставил букет — свежий и красивый. Сяо Цзину точно понравится.

Он быстро собрался, взял цветы и поехал в больницу.

Когда дверь палаты открылась, Цзин Чжи как раз помогал Цзин Мими проходить уровень в игре.

Семья с соседней койки ушла с ребёнком на обследования. У их сына были не проблемы с желудком, и ещё вчера вечером они обсуждали, что пойдут обедать в ресторан. Бай Ин Цзин

Чжи тоже заблаговременно «отослал», попросив её купить обед в одном дальнем месте, разумеется, дав ей на это деньги.

Один из уровней в игре никак не поддавался Мими, и он отдал телефон папе.

Цзин Чжи прошёл его с первой попытки.

— Папа, ты такой молодец! Следующий уровень! Дай мне поиграть, — Цзин Мими сидел на коленях у Цзин Чжи, и в его глазах светилось неподдельное восхищение.

— Хорошо, — с нежной и снисходительной улыбкой ответил Цзин Чжи, возвращая телефон в маленькие ручки.

В этот момент раздался глухой стук.

Две пары глаз устремились на вошедшего.

Телефон Цзин Мими со стуком упал на простыню.

Это был второй папа!

Букет роз выпал из рук Цзян Суйфэна. Он неверяще смотрел на малыша, которого Цзин Чжи держал на руках.

Малыш называл его «папой».

Малыш был чем-то похож на Цзин Чжи.

В одно мгновение мозг Цзян Суйфэна отключился, словно заржавевшие шестерёнки механизма заклинило.

Если бы он мог рассуждать здраво, то заметил бы нестыковки, но в состоянии крайнего шока человек не способен на хладнокровие.

С пустой головой Цзян Суйфэн подошёл к кровати.

— С кем ты его заделал?

<http://bllate.org/book/13680/1212148>